

Социологическая публицистика

© 1995 г.

А.А. ЗИНОВЬЕВ

ГИБЕЛЬ «ИМПЕРИИ ЗЛА»

(очерк Российской трагедии)

Колониальная демократия

Западнизация есть особая форма колонизации, в результате которой в колонизируемой стране создается социально-политический строй колониальной демократии (по моей терминологии). По ряду признаков это продолжение прежней колониальной стратегии западноевропейских стран, особенно Великобритании. Но в целом это есть новое явление, характерное для современности. Изобретателем его можно с полным правом считать США.

Колониальная демократия не есть результат естественной эволюции колонизируемой страны в силу внутренних условий и закономерностей ее социально-политического строя. Она есть нечто искусственное, навязанное этой стране извне и вопреки ее исторически сложившимся тенденциям эволюции. Она поддерживается методами колониализма. При этом колонизируемая страна вырывается из ее прежних международных связей. Это достигается путем разрушения блоков стран, а также путем дезинтеграции больших стран, как это имело место с советским блоком, Советским Союзом и Югославией.

За вырванной из прежних связей страной сохраняется видимость суверенитета. С ней устанавливаются отношения как с якобы равноправным партнером. Для значительной части населения сохраняются какие-то элементы предшествующих форм жизни. Создаются очаги экономики якобы западного образца под контролем западных банков и концернов, а также - как явно западные или совместные предприятия. Я выше употребил слово «якобы», так как эти очаги экономики суть лишь имитация современной западной экономики.

Стране навязываются внешние атрибуты западной политической системы — многопартийность, парламент, свободные выборы, президент и т.п. Но они тут являются лишь прикрытием режима совсем не демократического, а скорее диктаторского («авторитарного»). Эксплуатация страны в интересах Запада осуществляется силами незначительной части населения, наживающейся за счет этой ее функции. Эти люди имеют высокий жизненный стандарт, сопоставимый с таковым самых богатых слоев Запада.

Колонизируемая страна доводится до такого состояния, что становится неспособной на самостоятельное существование. В военном отношении она демилитаризируется настолько, что ни о каком сопротивлении и речи быть не может. Вооруженные силы сохраняются лишь для того чтобы сдерживать протесты населения и попытки оппозиции изменить ситуацию.

До жалкого уровня низводится национальная культура. Место ее занимают самые примитивные образцы западной культуры, вернее — псевдокультуры Запада. Массам населения предоставляется суррогат демократии в виде распущенности, ослабленного

Окончание. Начало см. в №№ 10, 11, 1994; 1, 2, 1995.

контроля со стороны властей, доступные развлечения, система ценностей, избавляющая людей от усилий над собой и от моральных ограничений.

Именно такой процесс начался в России в 1985 г., а в августе 1991 г. он принял настолько цинично откровенную форму, что теперь может служить классическим образцом западнизации.

Криминальная контрреволюция

В августе 1991 г. в России победила не «молодая демократия», как изображала события западная пропаганда и как думали многие российские граждане, введенные в заблуждение пропагандой, а нечто принципиально иное. Победила западная установка на дальнейшее разрушение Советского Союза и России. Победили внутренние силы разрушения и ограбления страны, поддерживаемые и манипулируемые Западом.

С. Говорухин назвал последующий период русской истории «Великой криминальной революцией». Я согласен с тем, что это было явление криминальное. Но я не склонен называть его революцией. Поскольку тут происходило разрушение всего того лучшего, что явилось результатом Великой Октябрьской революции 1917 г. и всей советской истории, то более уместным в отношении к этому явлению будет слово «контрреволюция». Кроме того, слово «великая» тут явно неуместно, а иронический оттенок в данном контексте пропадает(...)

Выражение «криминальная контрреволюция» не есть всего лишь фигуральное выражение, метафора. Это — социологическая характеристика эпохи. И я хочу к этому феномену привлечь особое внимание читателя.

В начале очерка я говорил об общечеловеческих корнях коммунизма, а именно — о явлениях коммунальности. Коммунизм возник как организация сферы коммунальности, как система ограничения стихии коммунальности и управления ею. Так что в результате разрушения коммунизма тут никак не могла возникнуть западная демократия и рыночная экономика. Тут могли только рухнуть всякие ограничения на коммунальность и наступить буйство ее негативных проявлений, свобода для ее преступного аспекта. Именно это и произошло(...)

Новая власть довела до предела капитуляцию страны перед Западом. Страну наводнили тысячи и тысячи иностранных агентов под видом всякого рода советников и представителей западных фирм и организаций. Фактически эти «невидимки» стали формировать всю политику власти, сохраняя лишь видимость самостоятельности ее решений. Но эта видимость оказалась иллюзорной. Западные политики и специальные эмиссары открыто диктовали свою волю российской власти.

Новая власть сознательно и планомерно разрушала обороноспособность страны. Открыто проповедывались капитулянтские настроения. Людям настойчиво внушалась мысль, будто после полной капитуляции перед Западом американцы и немцы помогут русским совершить такой же скачок, какой американцы помогли сделать немцам и японцам. И в России нашлось достаточно много поверивших в эту чепуху. Впрочем, тут сработало качество русского национального характера, — русские привыкли надеяться на то, что кто-то спасет их от обрушившихся на них бед.

Дезинтеграция советских вооруженных сил, сокращение вооружений, ослабление военно-промышленного комплекса, антимилитаристская пропаганда и т.д., — все это привело к тому, что в армии вообще было разрушено сознание необходимости обороны страны. Опыт войны в Ираке и знание общего состояния населения, включая армию, уже породило на Западе идею, что война с Россией может стать лишь «большим Ираком», т.е. прогулкой с огромными материальными затратами, но без человеческих жертв на стороне Запада, с громом оркестров, с красочным праздничным ликованием. Последующие события показали, что армия превратилась в полицейскую силу, готовую за плату убивать соотечественников(...)

Оргия приватизации превратилась в организованное ограбление страны и населения. До какого ужасающего состояния была доведена экономика стали писать и

говорить даже в западных средствах массовой информации. Население было ввергнуто в ужасающую нищету. Причем все это делалось сознательно и оправдывалось «теоретически» как якобы необходимый этап некоего «первоначального накопления капиталов». Небольшая группа грабителей действительно накапливала баснословные капиталы в считанные дни, а производство в стране неуклонно сокращалось(..)

Возникло уголовно-мафиозное государство, совершенно неспособное ни на какие созидательные свершения. Оно беззащитно перед внешним врагом. Оно не может сплотить вокруг себя массы населения. Его лидерам чуждо понятие «Родина». Они растлили народ, в особенности — детей и молодежь. В стране фактически исчезла всякая законность, расцвела преступность всех родов, люди лишились личной защиты со стороны государства и отданы во власть гангстерских банд, наступило неслыханное обнищание подавляющего большинства населения, рухнула вся прежняя система духовных и моральных ценностей. Одним словом, сложилось состояние, которое раньше называли смутой, а теперь стали называть беспределом.

Второй раскол реформаторов

Второй раскол реформаторов и возникновение оппозиции есть сложный процесс, в котором переплелись самые различные линии и причины. В этом клубке явлений я выделяю три аспекта. Первый из них — общее недовольство в стране внутренней политикой, тяжелое положение большинства населения, рост преступности, моральное разложение молодежи и т.д. Естественно, это должно было как-то отразиться и в умонастроениях в рядах самих реформаторов, — они все-таки люди, и положение в стране не могло оставлять всех равнодушными.

Второй аспект — в среде самих причастных к власти реформаторов далеко не все попали в число избранных. Происходило неизбежное разделение на враждующие группы. Какая-то часть неизбежно должна была выталкиваться на роль критиков и разоблачителей пороков избранной части правителей. Это — общий закон жизни человеческих объединений. Особенным в данном случае было то, что раскол происходил в среде людей, волею обстоятельств призванных решать судьбы страны, причем — в исторически переломный период.

И третий аспект — оппозиция была нужна, чтобы оправдать политику, терпящую крах, чтобы оправдать ее существование и поддержать репутацию спасителей демократии от «красно-коричневой чумы» (такое выражение было пущено в ход для дискредитации всех, кто как-то протестовал). Власть нуждалась во враге, которого можно было бы изобразить в самых мрачных красках: как угрозу реставрации коммунистического режима. И если бы оппозиция не возникала по другим линиям, ее пришлось бы изобрести специально. Впрочем, трудно сказать, какой аспект тут преобладал на самом деле — первый и второй или третий(...)

Оппозиция была слабой, раздробленной. У нее не было своей четкой позиции. Она фактически все время шла на поводу президентской команды. Сам пост президента РФ был учрежден на съезде депутатов. Хотя это и произошло с седьмого захода (на депутатов было оказано сильнейшее давление), тем не менее депутаты сами способствовали учреждению потенциально диктаторского режима. Затем депутаты вносили поправки в Конституцию, расширяя полномочия президента и ущемляя полномочия представительных органов власти.

Лидеры оппозиции фактически были фигурами, управляемыми президентской командой. Кое-кто из них еще накануне сентябрьско-октябрьских событий 1993 г. клялся в верности президенту. Все надеялись на возвращение в окружение президента.

Хотя лидеры оппозиции были во многом люди Ельцина, президентская команда настойчиво превращала их во врагов. Они были нужны именно в этом качестве, как угроза стране. Поэтому оппозиции всеми средствами пропаганды создавали ложную

репутацию фашистов, национал-социалистов, коммунистов и т.п. И делалось все для того, чтобы эта репутация выглядела правдоподобно. Готовилась грандиозная провокация по сценарию августа 1991 г., на высоком профессиональном уровне, который был бы недостижим без посторонней квалифицированной помощи.

Организаторы провокации намеревались, как и в 1991 г., локализовать конфликт на пяточке перед «Белым Домом» (так в подражание США стали называть здание Верховного Совета РФ). Было очевидно, что именно этого следовало избежать. И была для этого реальная возможность: Новосибирск, находившийся в оппозиции к президенту, предложил провести съезд народных депутатов у себя. Там оппозиция была бы недостижима для президентских погромщиков. Но лидеры оппозиции отказались от такой возможности! И в последующем развитии событий, хотя готовящаяся провокация была видна невооруженным глазом, оппозиция с поразительным легкомыслием (если только это было всего лишь легкомыслие!) шла навстречу ей. Бессмысленное вооружение Верховного Совета, хотя в оппозиции были профессиональные военные, которые должны были понимать, что оно смехотворно с военной точки зрения. Оно имело символический смысл? Какой?! Для кого?! Для президентской пропаганды против оппозиции(...)

Весь период от 21 сентября до 3 октября был использован для обольвания мирового общественного мнения в таком духе, чтобы изобразить защитников «Белого Дома» на сей раз как самых гнусных злодеев, а настоящих виновников трагедии — как воплощение всех добродетелей. Поразительно, что в западных странах не нашлось ни одной газеты, ни одного журнала, ни одной мало-мальски значительной личности, которые хотя бы попробовали объяснить истинное положение вещей. Единодушие Запада на почве всеобщего негодяйства оказалось поистине беспримерным. А между тем даже по словам православных священников, которых никак не заподозришь в принадлежности к неким «красно-коричневым» и «фашистам», и самого Патриарха: пролилась невинная кровь.

Кто защищал «Белый дом»

В западных средствах массовой информации привыкли в одну кучу сваливать разнородные явления, дабы легче было фальсифицировать реальные события в интересах идеологии и пропаганды. Так и в данном случае всех, кто как-то был причастен к обороне Дома Советов, изобразили как однообразную массу коммунистов, фашистов, националистов и т.п. А между тем тут следует различать по крайней мере два принципиально различных феномена: 1) депутатов Верховного Совета; 2) добровольцев, лишь волею случая оказавшихся вместе с ними. Их роль в событиях различна. Различна и их судьба.

Депутаты Верховного Совета разыгрывали политический спектакль. Они сделали все, чтобы предотвратить широкое народное восстание в стране, локализовать события в центре Москвы, где они заранее были обречены на нужный исход. Они предали тех добровольцев, которые восстали на самом деле. Их лидеры клялись погибнуть, но не сдаваться. Они не сдержали клятву. Они не погибли и сдались без боя. Они были выходцами из одной команды и остались таковыми. Их амнистировали. Их лидер Руцкой теперь рассчитывает баллотироваться на пост президента РФ в 1996 г. (...)

Народ

В событиях 3—4 октября 1993 г. в Москве произошло наложение двух различных и даже враждебных явлений, а именно — борьбы группировок в системе власти и народного восстания. Слово «народное» не должно вводить в заблуждение. Нельзя сказать, что оно тут неуместно. Но смысл его нужно пояснить с учетом специфики России.

В массе населения назрело сильнейшее недовольство политикой президентской команды. Но открыто восстали лишь немногие представители народа, одиночки. Они выразили умонастроения масс. Массы же остались пассивными, а значительная часть их проявила даже враждебное отношение к восставшим. Это вполне в духе русских традиций. В России всегда лишь одиночки осмеливались говорить правду вслух и открыто поступать по велению совести. И на них обрушивались все, включая и тех, ради кого эти одиночки жертвовали своим благополучием, свободой и жизнью. Это характерно для народов с холопской, рабской психологией.

Само понятие «народ» лишено социологического смысла. В самом деле, что такое российский народ? И исполнительная власть, отдавшая приказ убивать повстанцев, есть часть народа. И повстанцы — часть народа. И убивавшие их солдаты и милиционеры — часть народа. И аплодировавшие убийцам новоиспеченные миллионеры и ставшие всевластными уголовники — часть народа.

5 октября 1993 г. в газете «Известия» (это — правительственный орган) было опубликовано письмо большой группы известных российских писателей. Холуйские и кровожадные письма советские интеллектуалы в большом числе писали Сталину в 30-е годы с просьбой беспощадно расправляться с «врагами народа». Но они выглядят просто наивно в сравнении с упомянутым письмом российских интеллектуалов 1993 г. Это беспримерное по подлости, кровожадности и цинизму письмо не было вынуждено некими принудительными причинами, оно явилось проявлением доброй воли авторов, т.е. проявлением их подлинной натуры. Авторы письма называют повстанцев убийцами (хотя убивали их!), фашистами (хотя настоящие фашисты — их убийцы!) и т.п. Они благодарят Бога за то, что армия и органы правопорядка расправились с повстанцами. Они призывают президента запретить все виды коммунистических и националистских партий, запретить все оппозиционные газеты и признать нелегитимными Съезд народных депутатов и Верховный Совет. И эти писатели — тоже часть народа¹.

Но самое страшное в событиях октября 1993 г. — реакция на них массы рядового населения. Миллионы людей смотрели телевизионные передачи о расстреле повстанцев, как будто смотрели американский боевик. Кстати сказать, эти передачи были организованы иностранными фирмами, — правительство не могло доверить такое ответственное дело отечественному телевидению! Миллионы людей видели, как зверски убивали их собратьев. Они не бросились на улицы поддержать своих лучших сынов. А ведь выбежал бы миллион человек — голыми руками раздавали бы Палачей, втоптали бы их в грязь. Нет, не выбежали даже тысячи. Выбежали только те, кто аплодировали палачам.

Исторический рубеж

Массовые убийства русских патриотов 3—4 октября 1993 г. в Москве многим кажутся проявлением бессмысленной жестокости, и только. Но на самом деле это событие имеет огромное историческое значение. Чтобы понять это, надо точно выяснить, против кого в них был направлен главный удар, кем и с какой целью. Нужно также выяснить, что символизировало это событие.

Главный удар в этой кровавой расправе был направлен не против «парламентариев», а против массы рядового российского населения, скрытый и трусливый протест которой против политики правящих верхов (включая и Верховный Совет!) открыто выразили расстрелянные патриоты. Цель была — спровоцировать это выступление, очернить его участников, локализовать его на виду у всех и жестоко подавить, чтобы предотвратить более широкие восстания по всей стране.

¹ Считаю своим долгом отметить, что не все русские интеллигенты солидарны с авторами этого письма. Я уже упоминал С. Говорухина, с оценкой которого событий октября 1993 г. я согласен. В России в оппозиционной прессе печатались правдивые статьи, в частности — Ю. Власова, А. Казинцева и других авторов.

Эта дата — 3—4 октября 1993 г. — и само событие станут символическими. Сравним их с другой символической датой и другим символическим событием, которые имели место в начале коммунистической эпохи в России, — со «штурмом» Зимнего дворца в Петербурге 25 октября (7 ноября) 1917 г. Тогда небольшая группа рабочих и солдат без единого выстрела просто вошла в Зимний дворец. Ленин назвал эту революцию самой бескровной революцией в истории человечества. А как происходил «штурм» Дома Советов («Белого Дома»)? Вооруженные современными видами оружия регулярные войска и специально натренированные силы милиции зверски, жестоко убивали безоружных людей по приказу власти.

Ради чего происходила революция 1917 г.? Какими бы ни были ее последствия, она совершалась во имя освобождения трудящихся от векового рабства. О людях, партиях, правительствах, системах и эпохах надо судить не по тому, что они не сделали, а по тому, что они сделали для своего времени и в своих условиях для людей. С этой точки зрения, Октябрьская революция 1917 г. в России и рожденный ею коммунистический социальный строй сделали для широких слоев населения России больше, чем любая революция в истории для народов своих стран. Это — исторический факт, который еще не так давно признавался во всем мире. Я уж не говорю о том влиянии, которое они оказали на всю планету и на всю последующую эволюцию человечества.

А ВО ИМЯ чего совершилось кровавое событие 3—4 октября 1993 г. в Москве?

Власть лишь выразила волю новых хозяев страны — российских грабителей, наживших баснословные богатства за счет обнищания народа и разворовывания созданного трудом многих поколений народного достояния, и сил Запада, осуществляющих дальнейший процесс колонизации России. Убийство повстанцев кровью закрепило сложившееся положение, как бы придало ему статус законности. Оно стало историческим рубежом, знаменующим собою искусственный обрыв естественного хода русской истории. Говоря словами Гамлета, оно узаконило тот факт, что в России «распалась связь времен».

Это означает, что в России произошел полный разрыв поколений, — политический, гражданский, идейный, психологический, моральный. Сошли со сцены поколения, которые совершили Великую Октябрьскую Социалистическую революцию, подняли страну из развалин, защитили ее от иностранной интервенции, совершили беспрецедентный скачок в культуре, превратили страну в индустриальную державу, подготовили ее к самой страшной в истории человечества войне, разгромили самую мощную вражескую армию в мире, превратили страну во вторую сверхдержаву планеты. От них остались одиночки, оплеванные всеми, оклеветанные всеми, названные красно-коричневыми, фашистами, сталинистами и всеми прочими бранными словами. Им на смену пришло поколение предателей, перевертышей, разрушителей. Они не просто подвергли критике то, что было сделано их отцами и дедами. Они разрушили весь механизм преемственности поколений, благодаря которому народ мог существовать как нечто единое и целое во времени.

...Я не вижу в будущем России никаких оснований для оптимизма. В России нет великих социально-политических идей, способных вдохновить какую-то часть ее граждан на историческое мужество и подвиги. Ей навязали никчемные, ветхие и чужие идеи, рассчитанные на самую интеллектуально примитивную и деморализованную массу людей, лишенных чувства гражданской ответственности за судьбу страны.

Я не вижу в России политических деятелей, достойных уважения. Дилетанты, демагоги, тщеславные болтуны, мелочные хитрецы и интриганы, явные дураки и даже шизофреники заполонили все политическое пространство. России в качестве идейных наставников и политических вождей были извне умышленно навязаны всякого рода ничтожества, раздутые в пропаганде до масштабов личностей эпохальных. А личности, которые могли бы «прорасти» в значительные фигуры, умышленно не допускались до этого. Причем русские сами усердствовали больше, чем враги.. И теперь, глядя на тех, кто кривляется на политической сцене России, хочется лишь плюнуть с отвращением и закрыть глаза, чтобы не видеть этот бездарный спектакль.

Русские сначала сами срезают все «точки роста» своего собственного национального интеллекта, а затем, когда им указываешь на никчемность их вождей, разводят руками: мол, у них нет другого выбора! Да, нет. И не предвидится. Карлики, завладевшие ареной истории, не допустят появления великанов.

У России нет своей национальной интеллигенции, способной сплотить народ и вдохновить его на новый подъем исторического масштаба. За редких; исключением, российские интеллектуалы уже в хрущевские годы сами стали заражаться и заражать соотечественников умонастроениями антипатриотизма, антикоммунизма, антисоветскости и пресмыкательства перед западной идеологией и западным образом жизни, представляя его себе в идеологически идеализированном виде. Тот факт, что в брежневские годы они служили советскому режиму и преуспевали за счет служения ему, ничуть не опровергает сказанное: то двоямыслие, о котором писал Оруэлл еще в 1948 г., было свойственно российской интеллигенции в особенно развитом виде. Российская холуйская по натуре (холуйская как по отношению к своей власти, так и по отношению к Западу) интеллигенция подготовила население страны к эпидемии предательства, начавшейся в 1985 г., всячески поддерживала процесс разрушения страны и закабаления ее преступниками и коллаборационистами и в конечном итоге оправдала преступления высшей власти.

Теперь стремительно складывается новая, скороспелая интеллигенция, для которой даже нет проблемы смены курса. Она изначально есть порождение нового режима. Она вырастает молниеносно и расцветает пышным цветом; как вырастают сорняки на заброшенном поле, на котором ранее с большим трудом выращивались культурные растения. Она есть воплощение буйства и торжества бездарности, глупости, пошлости, подлости, безнравственности и прочих явлений современной массовой культуры, массовой как в смысле участия в ней огромного числа ее творцов, так и в смысле предназначенности ее для миллионов потребителей того же уровня ментальности. Она не способна создать оригинальную национальную культуру высокого уровня, достойную великого народа. Зато она с поразительной быстротой и легкостью заимствует явления псевдокультуры Запада, особенно — США. Потому создаваемая ею культура является ублюдочной вдвойне: она к бездарности псевдокультуры Запада присоединяет свою собственную сверхбездарность.

В России больше нет той системы воспитания и образования детей и молодежи, которая еще не так давно считалась лучшей в мире. Вместо нее новые хозяева России создали систему растления новых поколений с раннего детства и во всех их жизненных проявлениях. Те поколения, которые теперь подрастают, уже принадлежат к иному миру, к иной цивилизации, к иной человеческой общности. Они не имеют исторических корней в делах, идеях и системе ценностей своих предшественников. Растет поколение людей, являющееся карикатурной имитацией всего худшего, созданного в странах Запада. Растет поколение плохо образованных, завистливых, жадных до денег и развлечений, морально растленных с детства, лишенных понятия Родины и гражданского долга и т.п. ловкачей, мошенников, деляг, воров, насильников и, вместе с тем, людей с рабской психологией и изначальным комплексом неполноценности. С таким человеческим материалом уже невозможны никакие великие свершения(...)

Посткоммунистическая эпоха

Считается, что после распада советского блока и Советского Союза и после краха коммунистических режимов в этих странах наступила посткоммунистическая эпоха в истории человечества. Это мнение выглядит несколько комично в том смысле, что на самом Западе еще не было никакой коммунистической эпохи. Впрочем, за коммунистическую можно посчитать эпоху, когда на Западе тряслись в страхе перед мировым коммунизмом, и освобождение от этого страха можно объявить эпохой посткоммунистической.

Началась посткоммунистическая эпоха с эйфории по поводу краха советского блока, Советского Союза и коммунистических режимов в этих странах. Началась повсеместно, не только на Западе, где этот момент готовили и страстно ожидали чуть ли не полвека, но и в самих коммунистических странах, жители которых подышали от зависти к распропагандированному изобилию на Западе и млели от восторга при виде того, как их страны превращаются в барахолки западного тряпья и арену для поощряемого Западом разврата. Теперь эта эйфория окончилась. В бывших коммунистических странах наступило не успокоение и уверенность в лучшем будущем, как ожидалось, а нечто противоположное, — уныние, растерянность, страх еще худшего будущего.

Да и на Западе положение в этом отношении не лучше. Исчез феномен, который выглядел в сознании западных людей источником всех мировых зол и давал западным людям основание думать, будто они живут чуть ли не в раю. Общий спад деловой активности, рост безработицы, удорожание жизни, рост налогов и другие неприятные явления невольно порождают подозрение: а не есть ли это плата за победу над коммунизмом? Если это на самом деле так, то стоила ли игра свеч?!

Весь период «холодной войны» прошел под лозунгами борьбы за права человека и демократические свободы. Но с окончанием ее это идеологическое оружие потеряло прежнее значение. В бывших коммунистических странах вместо демократического рая наступили разруха экономики, инфляция, развал системы образования и культуры, идейный хаос, моральная деградация, рост преступности. Люди лишились элементарного порядка и личной защищенности со стороны государства. Людям стало не до прав человека и демократических свобод. Главными проблемами для них стали проблемы выживания в этих трудных и непривычных условиях.

И на самом Западе идеи прав человека и демократических свобод отошли куда-то на задний план. Началось решительное наступление власть имущих на социальные права граждан. Средства массовой информации уделяют этому ничтожно мало внимания, а то и вообще дружно замалчивают нарушения прав человека и демократических свобод. Теперь стало очевидно, что не эти непомерно раздувавшиеся в недавнем прошлом феномены суть самые важные ценности бытия, а гарантированная работа по профессии, жилье, медицинское обслуживание, воспитание и образование детей, личная защищенность, пенсия по старости и инвалидности, человеческие личные отношения и т.д., т.е. все то, что на каком-то уровне было привычным в Советском Союзе в доперестроечный период.

С крушением советской системы, на Западе наступило состояние, подобное тому, какое наступило в Европе после разгрома наполеоновской Франции, а именно — состояние реакции.

Но в великой истории ничто не проходит безнаказанно. За все то, что Запад сделал в отношении России, ему так или иначе придется расплачиваться. Я считаю, что расплата уже надвигается в виде еще более мощной угрозы порабощения, чем была угроза коммунистическая, а именно — в виде угрозы тотального западнизма для одних и тотальной западнизации для других.

Коммунизм в России разгромлен. Но почему-то не хочется прыгать от восторга по этому поводу и вопить вместе со всеми «Да здравствует западнизм, светлое будущее всего человечества!»

Послесловие

Я закончил этот очерк событиями 3—4 октября 1993 г. Пока очерк готовится к печати, могут произойти самые разнообразные события, возможно — неожиданные и сенсационные. Не хочу заниматься гаданиями по этому поводу. Я считаю, что принципиально важные события уже произошли. Они уже определили дальнейшую судьбу России. И что бы теперь ни произошло, изменить ее предопределенность уже невозможно.

Мюнхен, март 1994 г.